

Человек в фиолетовых одеждах смотрел, как Си Чжэнь, не обращая ни на что внимания, пытался высвободиться одной лишь грубой силой. На сердце у него было тяжело, но голос звучал ровно:

— Не думал, что теперь и ты попался на обман. Что ж, я даже горжусь. Чэн Минъи стал для меня отличной приманкой. Раньше я тебя обманывал, а сейчас он, как и ты, закован в цепи в одной из комнат.

Си Чжэнь перестал бороться.

— Ты не обманывал меня.

Фиолетовое одеяние усмехнулось:

— Репутация у Чэн Минъи и впрямь не ахти, но положение в мире боевых искусств он занимает особое. К тому же у меня свои счёты с его отцом. Хотя и говорят, что сын за отца отвечает, но отец-то его ещё жив. Он всего лишь приманка — и, как видишь, даже тебя выманил.

Сказав это, он с сожалением взглянул на запястья Си Чжэня и вздохнул:

— Такие красивые запястья, а теперь исцарапаны.

Порывшись у изголовья кровати, он достал мазь.

— Не дёргайся. Я не имею привычки мучить пленников.

Мазь оказалась прохладной, а в сочетании с густым ароматом благовоний, исходившим от фиолетовых одежд, запах стал совсем удушающим. Си Чжэнь чихнул.

Наступило молчание, и лишь затем фиолетовое одеяние произнесло:

— Ты, наверное, голоден. Я принесу еды.

Он вышел, но тут же вернулся:

— Пойду умоюсь ещё раз, на этот раз с благовониями послабее.

Уже было собрался уйти, как снова обернулся:

— Нет, сначала нужно его покормить.

Слуги принесли еду, приготовленную человеком в фиолетовом. Тот снова вошёл в комнату. Си Чжэнь, хоть и не видел его, явственно ощущал запах благовоний.

— Зачем вернулся? — спросил он.

— Еду принёс.

— Ты ко всем пленникам так внимателен?

Голос фиолетового одеяния смягчился:

— Не каждый пленник — это ты. Да и тюрьмы у меня нет. Кто меня прогневит — тот умрёт. Потому председатель союза и сидит в такой комнате. Будь у меня тюрьма — я бы и туда тебя

не посадил. Остался бы ты здесь.

Си Чжэнь уловил в его словах нечто тревожное.

— К чему это ты?

Фиолетовое одеяние вздохнуло:

— Ты — самый необычный мастер меча в мире. С юных лет вышел на арену, и все знаменитые бойцы пали под твоим мечом Юньцзэ. В год твоего появления мир боевых искусств только о тебе и говорил. Я восхищался тобой. И, конечно, влюбился.

Си Чжэнь нахмурился.

— Я лишь хотел совершенствоваться.

— Как скажешь. Хоть методы и низкие, но одна мысль о том, что ты у меня в руках, радует душу. Ладно, давай поедим.

Си Чжэнь насупился ещё сильнее.

— И как ты собираешься меня кормить?

— Разумеется, я сам буду кормить тебя, — невозмутимо ответил человек в фиолетовом.

Си Чжэнь: ...

Он полагал, что тот шутит. Пусть он и глава зловредного культа, но положение занимает высокое — вряд ли станет кормить пленника собственноручно. Однако фиолетовое одеяние отнеслось к делу со всей серьёзностью.

Взяв палочки, он подхватил что-то, похожее на сладости.

— Ну же, открой рот.

Си Чжэнь, будучи скованным, решил не противиться судьбе. Он открыл рот и принял пищу. Лапша оказалась упругой, с тонким, дразнящим аппетит ароматом. Через некоторое время фиолетовое одеяние предложило ему сладости — разных видов, но все нежные, сладкие и на удивление пришлись ему по вкусу. отведав несколько кусочков, Си Чжэнь высказал догадку:

— Мы знакомы.

Фиолетовое одеяние улыбнулось:

— Разумеется. Иначе как бы ты оказался в моих руках? Я не думал, что люди из Дворца Цинпин способны нанести тебе серьёзные раны. Хоть в начале тебя и спас Янь Ся с той девушкой, и они мне изрядно помешали, но теперь ты всё равно у меня.

Си Чжэнь долго размышлял. Фиолетовое одеяние, то ли намеренно, то ли случайно, подал ему несколько видов сладостей, которых тот никогда не пробовал. Однако вкус был до боли знакомым, и Си Чжэнь понимал: этот человек знает его слишком хорошо. Эту лапшу он ел и раньше, но тогда вокруг было много людей. Тех, кто знал его и при этом наблюдал за ним столь пристально, можно было пересчитать по пальцам, и думать о них ему не хотелось. Фиолетовое одеяние, видя его задумчивость, вновь затуманило его мысли:

— На самом деле, в те времена ты был столь блистателен, что не замечал мелочей. О тебе много писали, а те, кто был с тобой связан, порой проговаривались о твоих предпочтениях. Я кое-что собрал. Ладно, сейчас праведники грызутся между собой, а я лишь сею раздор и подливаю масла в огонь — дел немного. Может, почитаю тебе пару историй о тебе самом?

На душе у Си Чжэня стало тревожно. Он знал, что этот человек уже вредит праведникам, но сейчас был бессилён.

— Если уж ты начал свою подлую игру, к чему мне всё это рассказывать? — холодно бросил он.
— Я в заточении и не могу ничего изменить.

Фиолетовое одеяние улыбнулось.

— Что ж, тогда отдохни. Уже скоро ночь, ты, наверное, устал.

Завтра почитаю. А сейчас зажгу успокаивающие благовония — спи.

С этими словами он вышел. Си Чжэнь услышал, как открывается и закрывается крышка курительницы, почувствовал, как веки наливаются свинцом, и погрузился в сон.

Человек в фиолетовых одеждах смотрел на его спящее лицо, не в силах оторваться. Он развязал Си Чжэня, осмотрел повреждённые запястья, сердце его сжалось. Аккуратно нанёс мазь, перевязал чистой тканью, позвал слуг убрать остатки еды, сменил благовония на более лёгкие, тщательно омылся и, вернувшись, тихо лёг рядом с Си Чжэнем. Спал он крепко, без сновидений.

На следующий день Си Чжэнь проснулся в полудрёме. Голос прозвучал прямо у его уха, словно взрыв:

— Проснулся.

— Тебе действительно нечем заняться, — холодно отрезал Си Чжэнь.

— Ещё как нечем, — мягко ответил человек в фиолетовом. — Это же праведники дерутся, мне вмешиваться не к чему. Я лишь раздуваю пламя. Конфликты у них и без меня были, выбор председателя — просто повод. Они сами искали предлог для распри, а я им его подбросил — они тут же и клюнули. Мои люди, кроме как тебе навредить, разве что слухи распустили, когда председатель пропал. Всё остальное сделали так называемые праведники. Не будь они так жажущи — не попались бы на удочку и не стали бы посмешищем.

Си Чжэнь не ответил. Он просто не знал, что сказать. Ныне в мире боевых искусств насчитывалось тридцать два праведных клана, но кто знал историю, понимал: раньше их было куда больше. Однажды один из праведников свернул с пути, впал в безумие и принялся убивать всех подряд. В то время родители Си Чжэня были главой и защитником маленького клана. Увы, тот человек вырезал весь их род. Маленький Си Чжэнь в тот день случайно столкнулся с маленьким Чэн Минъи и тем спасся.

Его предки основали клан в горах. Родители и ученики днями напролёт совершенствовались в боевых искусствах. На всём склоне он был единственным ребёнком — клан был слишком мал, чтобы отправлять учеников в большие школы. Родители, желавшие дать детям путь воина, копили годами, чтобы отправить отпрысков в великие кланы. Ему же было лет десять, нрав — живой и резвый, но играть было не с кем. Тишина и покой клана тяготили его, и однажды он прокрался в телегу, на которой возили припасы, и, стойчески вытерпев тряску, добрался до

городка. Оказавшись там, он пришёл в неописуемый восторг — до этого он бывал внизу считанные разы.

Он видел, как торговцы зазывают покупателей, как толпятся люди, как сверкают на прилавках диковинные безделушки — всё манило и звало. Но он впервые спустился с горы один и понятия не имел, что такое деньги.

В горах он провёл слишком много времени. Мать лишь раз сводила его вниз — чтобы найти того, кто сможет как следует оценить его кости. Он помнил, как мать оставила его в одной комнате, а сама ушла в другую для разговора. Он же, прильнув к окну, наблюдал за людским потоком и ждал. Вскоре мать вернулась с сияющим лицом и, не мешкая, увела его обратно. С тех пор она заставляла его ежедневно тренироваться. Ему это не нравилось, но он слушался. Через два года он победил большинство старших учеников, и те перестали с ним заниматься. Вот он и спустился с горы — поиграть самому.

<http://bllate.org/book/16277/1465598>